

Победительница конкурса на журналистскую работу года умерла от коронавируса

В Сочи завершился Форум современной журналистики «Вся Россия-2020». Больше тысячи наших коллег со всех концов страны съехались туда, чтобы обсудить проблемы и задачи сегодняшних СМИ, пути развития и цели. Десятки семинаров и мастер-классов, выступления звезд...

Были подведены и итоги конкурса на лучшее журналистское произведение года.

Специальный корреспондент «МК» Екатерина Сажнева, то есть я, стала его победительницей в созданной исключительно в 2020-м номинации «Преодоление пандемии».

Честно говоря, я и была уверена в том, что получу этот главный приз за свои дневники, написанные, когда лежала в «красной зоне», что может быть интереснее традиционной газетной рубрики «Журналист меняет профессию», правда, в моем случае это было «Журналист

меняет диагноз». Понятное дело, в эпоху коронавируса сложно говорить о чем-то еще, кроме болезни, сотрясшей мир...

**Но была и вторая победительница. Ирина Журавлева из
Архангельска.**

Она умерла от ковида...

«Наша Ира победила? Не может быть!»

...В Сочи жарко. Но на море волны, и поэтому все тусуются возле бассейна с морской водой.

На журналистском форуме толпы народа. Я давно уже не видела

столько людей, да еще и в одном месте. Традиционный банкет запретили – требование Роспотребнадзора. Победителей чествуют быстро, не задерживаясь, соблюдая социальную дистанцию, я, безнадежно опоздавшая всего на семь минут, получаю свою статуэтку уже на мастер-классе, где коллеги рассказывают, как и почему написали то, что написали.

А я ищу хоть кого-нибудь из Архангельска, кто мог бы поведать мне об Ирине Журавлевой. Что-то живое, человеческое кроме строчек ее последнего предсмертного репортажа.

Все, что пока знаю я, это то, что Ирина лежала в онкологическом стационаре, что только-только выкарабкалась после тяжелой, смертельной болезни, ей повезло, выбили квоту... И все должно было быть хорошо. А потом в их палату пришла медсестра, она была инфицирована, она ставила капельницы пациентам. Среди которых была и выздоравливающая Ира Журавлева. Судьба.

Из статьи в «Правде Севера» от 21 июня 2020 года.

«Химиотерапию отменить нельзя, так же как нельзя погодить родить. Тех, у кого пробы отрицательные, отправляют на строжайший карантин, положительных – в ковидные госпитали. Отделение дезинфицируют, с понедельника поступит новая партия пациентов.

Мы просто лежим на своих койках, ждем ответ, и я пытаюсь поймать в фотокамеру белого голубя, порхающего за окошком. И вдруг на подоконник вспархивает миниатюрная санитарочка. Она встает с той стороны окна и моет его. У меня дрожат руки. «Вы не боитесь?» – «На колесе обозрения боюсь, а тут – работа такая, да и вам полегче дышать будет».

...Открывается дверь, появляется еще одна санитарка: «Девочки, поступил приказ Роспотребнадзора: выключить холодильники! Забирайте все, что ваше осталось!» Следующий приказ еще заковыристее – заклеить вентиляцию! Видимо, чтобы ковид по ней не пролез. ...Мой тест отрицательный...»

Дверь в свой гостиничный номер в Сочи открывает Виктор Толкачев, председатель областной Архангельской организации Союза журналистов России. Сказать, что он удивлен моему звонку, это ничего не сказать: «Ирина победила?! А мы и не знали. Конечно, мы отправляли ее работу на конкурс, это было общее решение. Мы быстро оформили все бумаги, буквально за последний день. Была еще одна ее публикация на тему 75-летия Победы, она была тоже отлично написана, но, увы, ничего не заняла...»

«Это же репортаж с петлей на шее, понимаете? Ее последняя статья из больницы. Невероятный, проникновенный материал, скорее притча», – уверяет Виктор Толкачев. «Вы пришли, а у меня сразу сердце закололо. Мы не были близко знакомы с Ириной. Я, конечно, встречал ее, и она была как ангел, что-то неземное, нездешнее, проскальзывало в ней, будто бы она спешила успеть совершить самое главное в жизни. Помню, написала про бабушку одну, которая прошла войну... Очень душевно».

В наше время мало кого можно еще удивить. Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем журналисту написать статью, которую запомнят на века, пусть даже найти эксклюзивные факты, пусть она станет сегодняшней сенсацией – но у кого-то сенсация окажется еще круче, если раньше бумажная газета жила один день, то теперь топ новостей меняется каждую секунду.

Мир – это сгусток информации. А мы все – лишь буквы, строчки основных и второстепенных событий. Кого-то читают миллионы, кого-то – только родственники. Кто-то словит хайп, просто оказавшись в нужное время в нужном месте.

Самое безнадежное, что только может быть в карьере журналиста, как мыслится нам из далекой большой Москвы, застрять в провинции.

Здесь люди читают газеты только ради телепрограммы. Здесь маленькие зарплаты и крошечные гонорары (скажем честно, они и в столице-то невелики), за пределами МКАД «четвертая власть»,

как и сама «корочка» журналиста, не значит ничего.

Тесные комнатки редакции, выдавшие виды мониторы, испачканные свинцовым шрифтом полосы газет, возвращающиеся нераспроданными из киосков. Региональные СМИ все время на грани выживания. Дай бог, поддерживают администрации, должны же быть в их субъекте хоть какие-то СМИ, но тогда о какой независимости можно говорить? Местечковые темы про то, как трубу прорвало, большего написать не дадут все равно важные местечковые чиновники. Новости с брифингов и пресс-конференций, где каждая повторяет предыдущую вплоть до точек и запятых.

Я сама начинала в провинции и помню это, но мне было двадцать, и я знала, что однажды возьму билет на поезд в другую жизнь. И я не представляю, каково это умным, талантливым, светлым, тем, кто остался и так и не смог изменить мир...

Малосольные огурцы для северной журналистики

«Правда Севера» – старейшая архангельская газета. Ей сто лет. Ирине Журавлевой было чуть за пятьдесят. Я пытаюсь разыскать ее статьи в Интернете, но все время натываюсь на последнюю, июньскую, самую главную – про ковид.

...Дорогие мои друзья и дорогие читатели! Панику прекратите, пожалуйста. Кастрию на голову и жечь покрывки – это не наш метод. Российская система здравоохранения проходит проверку на прочность. Остатки советской помогают. Оптимизация провалилась, нынешняя ситуация выправляется за счет героизма медиков. Будем надеяться, власти сделают выводы и наши победят. Не болейте!»

Коллеги вспоминают, как одухотворенно Ира Журавлева писала про простых людей, про их беды, радости. Она обладала редким даром, уверены близкие, видеть «узоры» жизни.

В отделе информации Ирина Журавлева появилась в 2014 году. Заходит, такая хмурая, в футболке с надписью «Everybody lies» («Все врут»), фразой из сериала «Доктор Хаус». Народ

испугался. Вдруг улыбнулась, поправила волосы, внимательно на всех посмотрела и говорит: «Меня не надо бояться».

«У Иры были силы на то, чтобы добиваться справедливости. И она оставалась сильной, если что-то не получалось», – делятся коллеги Татьяна Вершинина и Олег Маглич.

Ее всегда было много. Вот заходит в редакционный кабинет и сразу занимает все пространство: «Так, тут дед малосольные огурцы передал. Где тарелка? Тарелку неси!» Вытаскивает из сумки огромный мешок: «Да тут ещё и пиро-оги!» В голове у друзей вертится ее коронная фраза: «Очень хочется обнять обиженных, прижать к груди, погладить по голове и накормить кулебяками с семгой».

И это все о ней

Одно время работала продавцом в книжном магазине, потому что ей казалось, что такая близость к книгам позволит прочитать больше. Могла слетать на один день в Петербург на концерт Гребенщикова. Когда что-то рассказывала, постороннему могло показаться, что привирает, а она ни грамма не привирала, просто по-особому как-то видела людей. Талант писателя в скромной и повседневной журналистской оболочке.

«Ира, тебе надо книгу написать. Обещай, что напишешь? И подаришь мне с автографом: «От автора – с любовью».

– Напишу, – смеется, – энциклопедию...

Скажет, бывало: «Могу предложить тебе мои утешительные объятия», – говорит журналистка Наталья Парахневич.

«Я все время удивлялась: вот как Ирине удастся так изящно писать? «Пишет, как дышит» – это про нее, – вспоминает Ирина Денис. – А потом материалы стали выходить реже, их почти не стало. И новость, которая распространилась по друзьям и знакомым: Ирина на лечении...

Жаловаться не любила. Самое жесткое слово – «фигня». Причем тон, каким она его произносила, зависел от степени тяжести случившегося: «Прорвемся, фигня все это», – бросала в трубку,

когда в очередной раз попадала в больницу. Прорвемся...

О диагнозе узнала случайно, но, самое главное, вовремя. О том, с каким трудом добилась операции, опубликовала на странице в соцсети.

А где еще?

Она заболела и поняла, что болеть в нашей стране, особенно на периферии, невозможно.

«Талонов не было ни на сегодня, ни на завтра, ни через неделю, ни через десять дней. Так же как и терапевта на нашем участке. Но есть же электронная очередь! Записалась на прием через две недели, пока ждала, занялась самолечением – Интернет в помощь. Телефон онкологического диспансера был занят всегда. «Позвоните через неделю, мы поставим вас в лист ожидания». То есть там предварительная запись на предварительную запись! А самое главное, выяснилось, что направление от платной клиники – просто бумажка. Действительно только направление из поликлиники «по месту жительства». Это называется «маршрутизация». Круг замкнулся, я снова отправилась в свою «четверку» записываться к терапевту.

Пока по новой сдавала анализы (у них, блин, срок годности – десять дней), ломала голову, как снова дозвониться до онкологии.

Знакомому депутату Госдумы, у которой я тоже много раз брала интервью, понадобилась помощь в написании текста. Да я бы с удовольствием, отвечаю, но сейчас не могу, помирать собралась. «Та-а-ак...» – сказала депутат. И через час я уже была в федеральном медицинском центре имени Семашко – оказывается, у них выделены квоты на выполнение онкологических операций!

Почему я, работая в областной газете, этого не знала? За три месяца хождений по поликлиникам, месяц лежания в больнице и два месяца дома после операции на диване я поняла несколько важных вещей.

Президент и заместитель председателя правительства Голикова говорят о провале оптимизации здравоохранения. Медики работают. Кто как может. Я за эти полгода повидала всяких. Ответственных и тех, кому наплевать, сердобольных и циников, восторженных и разочарованных, тянущих ляжку, внимательных, настороженных, недалеких, умников, завистников, бунтарей, фанатиков и работяг. Спасателей миров.

Научилась уважать и ценить тех, кто, несмотря ни на что, продолжает трудиться. Как сказал герой фантастического сериала: «Никому не дано знать, когда ему понадобится Доктор».

Скорее всего, если бы не мои знакомства, то родственники и друзья к Новому году оплакивали бы меня на кладбище. И большой вопрос – как в больницы попадают обычные люди, не журналисты?»

«В ее память мы напечем пироги»

Я даю ее последние материалы большими кусками, не только чтобы показать, чем она жила свой последний год. Но и чем вообще живут люди в глубинной России, что им остается, кроме как надеяться на себя и на бога в случае болезни.

Хирургическое вмешательство Ирине Журавлевой провели филигранно. Наступила ремиссия. А потом пришел ковид. Который, так получилось, она снова встретила в больнице, на плановом лечении.

И однажды в ее палату зашла зараженная медсестра с капельницей...

«У кого-то тест показал сразу, что заболели, у Ирины же все было хорошо. Она была уверена, что обойдется, – продолжает Светлана Лойченко. – Мы не сильно напряглись, уж если она преодолела такую страшную болезнь, то от коронавируса-то точно не умрет. Потом поднялась небольшая температура. Но все равно не было ощущения, что это конец. Мы еще успели передать ей какие-то книжки, чтобы не скучала в ковидном отделении».

Пока можно было общаться, редактор попросила написать статью про то, как лечат коронавирус. Повезло-то как: самостоятельным путем, ни у кого не спрашивая разрешения, попасть в «красную зону»!

«Давай я выпишусь и напишу». – «Нет, сейчас, иначе тема уйдет».

И у нее вдруг пошел драйв, хотя голова уже работала неважно.

Она еще успела увидеть свою последнюю публикацию. Но связь с обсерватором прервалась. Последние три дня Ирина находилась на ИВЛ.

Не было многолюдных похорон, гражданской панихиды, большим количеством народа сказали не собираться, посмотрели издали, как могильщик разравнивал холмик на кладбище... «Когда все закончится, обязательно напечем пироги, как она любила, и помянем нашу Ирину, и поздравим ее с заслуженной наградой лучшей журналистки», – переживает Светлана Лойченко.

Смерть Ирины Журавлевой не изменила мир. Но каждый из нас спасает его как может, иногда ценой своей жизни, просто выполняя свою работу. Официальной статистики по переболевшим и погибшим от коронавируса журналистам еще нет. Последние данные я нашла только на начало июня. емени заразились ковидом. Во всем мире скончались 55 наших коллег из 23 стран...

0 них не создадут список памяти, им не раздадут ордена и медали.

Да и работу не отметят как подвиг в тех же «красных зонах», куда мы входили совершенно неподготовленными, надевая непроницаемые скафандры и молясь про себя, чтобы пронесло, на выездах в массовые очаги заражения, как коллеги из «Звезды», тоже лауреаты премии за лучшее журналистское произведение, проведенные две недели среди заболевших золотоискателей в вахтовом поселке Еруда.

Именно после их серии репортажей о том, что происходит, о проблеме узнали все, и была отправлена помощь. Но все это

совершенно неважно.

В России на начало лета скончались три сотрудника СМИ: 36-летняя Анастасия Петрова из Перми, 42-летний журналист радиостанции «Звезда» Александр Найденов и документалист Александр Радов. Ирины Журавлевой из «Правды Севера» еще нет в этом списке. Она умерла 3 июля.

Екатерина Сажнева
Сочи–Москва

